

Птица божья / рассказы

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Птица божья / рассказы ПТИЦА БОЖЬЯ

Артем стоял у церкви Покрова Богородицы на Козлёне* и не решался войти внутрь.

Бабушка крестила его еще в детстве, и хотя в храм он ходил редко, однако в Бога Артем все же верил, пусть и не по-книжному, не по-правильному. Он посещал церковь либо в случае неразрешимых вопросов, либо в случае великой радости. Ставил свечи, читал молитвы, специально распечатанные для таких, как он, на листах А4, и беседовал с Ним как умел, своими словами.

Сегодня в Вербное воскресенье стояла чудесная солнечная погода. Утренняя служба уже закончилась, а до вечерней оставалось еще несколько часов. Артем выбирал для похода в храм такое время, когда будет как можно меньше людей. Он болезненно стеснялся креститься при всех или кланяться, не хотел, чтобы ему делали замечания вездесущие церковные бабушки, если вдруг он по незнанию сделает что-то не так. Вот и сейчас он не решался спросить служителей храма или церковной лавки, к какой иконе следует поставить свечу в его ситуации.

Для таких, как он у входа стоял информационный щит, на котором верующим разъяснялось, кому молиться в случае разных нужд. По бокам от щита ради праздника верующие поставили две огромных, как ведра, вазы с освященной вербой. Желающие могли взять оттуда по несколько веточек на букет. «О помощи в учении, об успешной сдаче экзаменов, курсовых, дипломов, зачетов – иконе Божией Матери «Прибавление ума», – в который раз подряд читал Артём. – О помощи в устройстве на работу и о возвращении утерянных вещей – святому мученику Трифону. Об избавлении от пьянства, наркомании, пристрастия к азартным играм и игровым автоматам: иконам Божией Матери «Неупиваемая чаша». О разрешении проблем в браке и примирении мужа и жены: святым мученикам и исповедникам Гурию, Самону и Авиву».

Этот щит напомнил Артёму информационное табло в поликлинике. Там тоже в одной графе была специализация доктора, а в другой – его фамилия, имя и отчество. Например, невролог – Остап Семёнович Кучерюк. Ясно, что с невритами и миозитами – это к нему. Травматолог – Вадим Иванович Иванов. К этому с переломами и вывихами. Гастроэнтеролог – Иван Андреевич Лапушкин. К нему, если язву прихватило. Медиков в районной поликлинике Артем знал неплохо. Двенадцать лет назад он отслужил полгода в Чечне. Ребята из его части участвовали в спецоперациях, прикрывали военные колонны. Там Артем и получил контузию, которая каждую осень и весну давала о себе знать.

Впрочем, Артём считал, что ему несказанно повезло. Он вернулся домой с руками и ногами, а что пара шрамов на лице – подумаешь, какая фигня, некоторые и без всякой Чечни получают такие шрамы где-нибудь в драке или из-за детской шалости. Внешности Артем был, казалось, заурядной, однако люди обычно его запоминали. Высокий, с прямой осанкой, с коротким ёжиком жестких чёрных волос, он двигался как-то по-особому – скупое и точно, держался уверенно и спокойно, вёл себя с незаметным скромным достоинством, и всё это в совокупности выдавало в нем воина. Сам он никогда не философствовал на эту тему, но однажды его кореш с детства, Гошан, тоже служивший, хоть и не воевавший, объяснил ему эту разницу за рюмкой водки:

– Говорят, что солдатами не рождаются, солдатами становятся – что ж, истинно так. Однако не все солдаты – воины и наоборот. Ты не солдат, ты – воин! С рождения! Солдат следует приказу, стремиться выжить, у воина главный командир – это внутреннее понятие о чести и долге, а к чему он стремится, так то и вовсе одному Богу известно.

Артём только отмахивался от Гошана и напоминал, что семья его – сплошь колхозники, что родом он из деревни, а там все служат, и пофигу всем, солдат ты или воин, тракторист или дояр. Получил повестку – шагай в военкомат!

Артем не задавался сложными вопросами, ему и самых простых, самых земных с лихвой хватало. Казалось, что он просто жил день за днем и год за годом ровно так, как живут и все остальные, как в песне у Юрия Шевчука: «Он просто пил, ел,

спал, тянулись серые дни/Тянулись серые дни, они и только они»*.

После армии в деревне работы для него не нашлось – бывает! Он переехал в город, снял жилье, устроился в мебельную фирму учеником мастера – тоже бывает! Заочно окончил вуз и постепенно добрался до должности заместителя коммерческого директора – пусть реже, но и такое иногда случается с обычными деревенскими парнями. Женился на Кате, однокурснице с экономфака. Опять же – не редкость такие браки. Не сложилось. Развелся. Хорошо, что детей не успели завести. Долго и со скандалами делили совместно нажитую квартиру. Что ж, несчастливые супружеские союзы, разбившиеся о быт, это уж и вовсе встречается где угодно и с кем угодно.

Получается, «просто жизнь» привела его к дверям храма Пресвятой Богородицы. Вернее, любовь привела – Ленкина любовь. «Смешная девчонка. Такая юная!» – даже сейчас, вспомнив Ленку, Артём невольно улыбнулся. Но ее возраст был для Артема, скорее, минусом, чем плюсом. Ему за тридцатник, а она – третьекурсница-заочница филфака! Другой порадовался бы, что способен еще понравиться юной барышне, но только не Артем. В фирму Леночку взяли офис-менеджером: чай-кофе подавать, уют наводить, за документами следить. А сошлись они с Артемом на почве книжек и... голубей. С книжками всё было ясно и понятно. Пытаясь справиться с непомерными филфаковскими нагрузками, Ленка читала в любую свободную минуту. Артем сначала просто смотрел на имена и названия на обложках, потом – осторожно начал задавать вопросы о героях, сюжетах, авторах. Он любил читать, но немного стеснялся этого, немодно это как-то нынче, несовременно. Артем, к тому же, считал, что ему не хватает общего образования, того лоску, который не приобретешь, окончив сельскую школу и кое-как отучившись заочно на экономическом. Лена ни разу не подняла его на смех, какими бы странными ни казались ей вопросы Артёма, и отвечала охотно, умно, по-филфаковски иронично. Он и сам не заметил, как они перешли на «ты» в нерабочей обстановке. В офисе Лена по-прежнему уважительно величала начальника Артемом Викторовичем. Вскоре они стали вместе обедать, встречаться по выходным ради

похода в кино, театр, на выставку или долго гуляли по набережной с неспешной приятной беседой. И эти перемены в отношениях, начавшиеся с разговоров о книгах, Артема ничуть не удивляли: бывает!

А вот с голубями Артём ничего не понимал: Лена почему-то боялась их панически, а они почему-то прямо-таки преследовали ее! Если птицы садились на оконный карниз (а стол Леночки в офисе стоял как раз у окна), девушка немедленно начинала стучать по стеклу и смешно кричать: «Кыш! Кыш! Вон отсюда, крысы вы с крылышками!» Голуби, как назло, именно Леночкин оконный отвес выбирали местом для отдыха. Они не обращали на ее «кыш-кыш» внимания, чистили там пёрышки и ласково курлыкали друг с другом.

— За что ты их так не любишь? — не выдержал как-то Артём, наблюдая это противостояние. — Голубь — птица мира. Святой дух тоже в виде голубя представляют.

— Может быть, Артём Викторович, но вы на них только посмотрите: противные, грязные, болезни всякие разносят и меня преследуют!

— Выдумываешь ты, Леночка, много. Ей-богу, фантазёрка, — рассмеялся он.

— Ну, видите же: я их гоню, а они меня даже не слушают!

— Так они уличные птицы, Лена. Если б они всегда улетали, когда их гонят, так они бы в городе и не выжили.

— Вовсе нет. Они со мной воют. Вот скоро сами убедитесь.

И Артем убедился. Началось с того, что он предложил Леночке устроить за окном цветник: повесить туда ящички для цветов. Может, голуби не захотят сидеть на политой земле среди растений? Идея понравилась не только Леночке, но и всем остальным коллегам женского пола. Артем купил всё необходимое в магазине «Сад-Огород», остался после работы и соорудил законную клумбу. Леночка высадила в нее разноцветные виолы и поставила между цветочками декоративные украшения — светильники-стрекозы. Днем они заряжались от солнечной энергии, а вечером мягко и загадочно светились.

Голубям стрекозы почему-то особенно не понравились. Они пикировали на хрупкие фигурки из пластика, как тяжёлые

бомбардировщики, и клевали их, быстро отбив светильникам крылья. На цветы птицы внаглую приземлялись. Апофеозом стал момент, когда взлохмаченный старый голубь-жирдяй показательно казнил хрупкую виолку: он выдернул ее из земли, скинул вниз, а затем, свесив голову, пристально наблюдал, как кружился синим вертолётником цветок в воздухе до самого асфальта.

-Нет, ну теперь понимаете, Артём Викторович? Ненавидят они меня. И преследуют, – спокойно констатировала Леночка. – А дома они на мои окна еще и гадят постоянно. Чуть не каждый день мыть приходится.

-Глупости, – попытался успокоить ее Артем. – Просто пытаются отвоевать ареал обитания, метят территорию. Нравится им этот карниз почему-то, а мы его своими цветами заняли.

Мало истории с виолами, так случилась еще и история с кофе. Леночка праздновала день рождения 17 октября. С утра Артем купил ей букет цветов и стакан кофе с огромным пирожным. Он представлял, как вручит ей этот подарок со словами: «С днем варенья! Сладкого начала дня!» Он благополучно донес презент почти до самого здания, где работал, как вдруг резко из-под ног взлетел невесть откуда взявшийся там голубь. Артем споткнулся, упал, к счастью, успев спасти цветы и пирожное, но у бумажного стаканчика с капучино выжить в этом падении не было ни единого шанса. «Так не бывает!» – только и успел подумать Артем. Рассказывать об этом случае он Леночке не стал, чтоб не умножать ее страхи, но больше не удивлялся, если во время прогулки при виде стаи голубей, Лена тут же брала его под руку. «При тебе не посмеют», – полушутя-полувсерьез объясняла она.

Несмотря на книги, на голубей и на Леночкину красоту (блондинка, носик курносый, стройная, кожа такая гладкая, будто светится изнутри, девочка-солнышко!), Артем головы не терял, и обо всем рассуждал здраво. Для мимолетной интрижки Леночка не годилась. Зачем ее обижать и людей смешить этой банальщиной – заместитель директора и офис-менеджер сбежались-разбежались. И так люди шепчутся уже об их совместных трапезах, войне с голубями и встречах по воскресеньям. Серьезные отношения? Нет, не с такой малявкой.

Да и обжёгся Артем на прошлом браке. Сильно обжёгся. Снова лезть в то же пламя не хотелось. Да и ей зачем жизнь губить? Он и сам не лучшая партия для неопытной девушки. Но в их отношениях неумолимо приближался тот момент, когда все же придется сделать либо признание, либо «непризнание» в любви. Перед этим выбором впервые в жизни Артем оробел. Нет, он понимал, разумеется, что влюбился, и ценил естественную легкость их нежной дружбы: с ее стороны не было натужного кокетства или холодного дамского расчёта, а он не пытался предстать перед ней мачо-завоевателем. Они оставались самими собой, не старались нарочито понравиться друг другу, потому что в этом не было необходимости.

«И все же она и лучше меня найдет. Ровесника. Чтоб без контузии. Чтоб не смотреть ей, как меня плющит каждую весну и осень. Чтоб не увидеть ей меня после запоя, похмельного и страшного. Найдет себе молодого парня без истории с прошлым разводом. И мне лучше женщину своего возраста поискать. Что у нас общего, в конце концов? Она – птаха неопытная, птица Божья, беззаботная и жизни не знающая. У нее главные враги – всё еще голуби. Господи, как ребенок она пока еще! Зачем ей я со всеми моими заморочками?» – уговаривал он себя, стоя у информационного щита возле храма. Артем, видимо, так долго пялился в список святых, воплощая собой образ барана перед церковными воротами, что из здания воскресной школы неподалеку к нему вышла пожилая женщина-учительница:

– Что-то случилось, молодой человек? Может, что-то подсказать?

– Да, – смутился Артем. – Я бы хотел, чтобы одна очень хорошая девушка нашла себе достойную партию в замужестве.

– Так вот же! Тут все написано! – женщина подвинула вазу с вербами, и оказалось, что в самом низу ветви вербы закрывали надпись: «Об удачном замужестве – Пресвятой Богородице».

– Правда, обычно в таких случаях о замужестве сами девушки молятся или их родители, – с улыбкой добавила учительница. – Или святому Николаю Угоднику можно свечу поставить – к нему с любой просьбой люди приходят.

Артем поблагодарил, вошел в храм и поставил свечи, как было сказано. Кроме него, внутри прихожан не оказалось, только

бабушка следила за порядком, чистила лампадки да убирала сгоревшие свечи. Артём присел на скамью у входа: «Господи, я всю жизнь такой дурак. Не знаю, как хватает у Тебя терпения на меня. Вот и опять сам не знаю, как поступить. Пусть будет по воле Твоей. Ты же знаешь: я ведь и выпью лишнего, бывает, и болею страшно весной да осенью. И староват я для нее. Да, я понимаю, Господи, другой бы сразу ее к рукам прибрал, но я помню, как мы с Катей скандалили... Не хочу снова. Я и с Катей сам виноват, и с Леной. Наверное, давно пора было всё это прекратить, не морочить девчонке голову». Затем он доверчиво рассказал о своей беде Николаю Угоднику и послушно, как учила женщина из воскресной школы, попросил Пресвятую Богородицу: «Пошли ей, Матушка Богородица, хорошего жениха».

Выйдя из храма, Артем достал телефон, чтобы включить на нем звук, и увидел не отвеченный вызов от Леночки. Набрал ее.

– Привет, Артем Викторович! – раздался ее веселый девичий голос. – Я на Соборной горке* гуляю. Не хочешь со мной? Погода такая чудесная. Летняя совсем. Приходи! Я на велике: погоняем по очереди.

– Иду, – пообещал он.

«Вот и отлично, – подумал. – Хватит девчонку за нос водить. Сегодня и объясню ей, что наша дружба – лишь дружба».

Но набережной так закрутило в каруселях приятных разговоров, в гонках на велике по очереди, что Артем всё откладывал и откладывал своё «непризнание в любви». Когда они стояли у памятника Батюшкову, три раза, отмечая время, ударил колокол на звоннице.

– Как атмосферно, – заметила Лена. – Слушай, а я сегодня «ВКонтакте» такой классный стих прочитала! Зацени. Прямо грешно его здесь и сейчас не прочитать. Как раз для Вербного воскресенья и как раз для этого места.

И со смартфона продекламировала:

Мой Бог, со мною надо строже.

Ничто другое не поможет.

Другому я не буду рад.

Я пред Тобой в трусах и майке,
Давай, закручивай мне гайки –
Не наугад, а все подряд!

Я на Тебя смотрю в окошко,
И вижу, ты устал немножко,
Любить таких, как я паскуд.

Как с этим жить, не знаю точно.
Признаюсь, я не верю в то, что
Твои страдания спасут.

Давай, пока душа на месте
И не спешит сквозь перекрестье
Запястий, что сжимает жгут,

С любовью, с яростною силой,
Пусть плетъ Твоя, как губы милой,
С лихвой моих напьётся губ* .

Артем машинально похвалил стихотворение, но мыслями был далеко от этих строк. Он слышал их, конечно, ушами, но, по сути, умом и сердцем не расслышал ни слова, потому что впереди его ждало тяжелое объяснение.

Из ближайшего кафе на всю Кремлевскую площадь разносился пьянящий сладкий запах выпечки, и Артем побрел на него, оставив Лену у памятника. Под предлогом «пойду что-нибудь нам возьму перекусить», на самом деле он взял паузу для размышлений. Из кафе он принес для Леночки бумажный стакан с капучино и горячий багет, а себе – горький и крепкий американо. Присели отдохнуть на свежем воздухе на скамейке.

– Я должен сказать тебе кое-что важное, Лена, – сделал первый шаг Артем.

– Говори, – согласно кивнула она.

И тут на запястье Артема сел голубь, почти целиком белого цвета, только с небольшими сизыми крапинами на крыльях. И хотя у Артема при себе не было ни крошки еды, нахальная птица и не думала улетать. Он явственно почувствовал ее цепкие коготки на

своей коже, а круглые птичьи глаза сурово всматривались в его лицо.

— Ну надо же! Вот этот точно, как Святой Дух на иконах. Суровый птах! — воскликнула Леночка, и вдруг отломил кусок багета, протянув птице крошки на ладони. Голубь осторожно начал угощаться. — Попробую хлебом откупиться. Так что вы хотели мне сказать, Артем Викторович? — поддразнивая, имитируя тон подчиненной в беседе с начальником, спросила она.

— Я давно хотел вам сказать, Елена Леонидовна, что с вашей голубиной фобией пора завязывать, — подыграл Артем и хотел как-нибудь еще пошутить, но вместо этого неожиданно для себя выпалил. — Лена, я люблю тебя, выходи за меня замуж!

— А я уж думала, ты никогда не решишься. Ты ведь воин. Редкий вид — рыцарь настоящий. Они вечно думают, что Прекрасной Дамы они не достойны, — улыбнулась она и поцеловала Артема в щёку. Голубь в этот момент взмыл в небо. Артем обнял Лену, и они молча смотрели, как птица летит — живая точка на голубом фоне в золотом окладе солнца уменьшалась, пока не растворилась в небе где-то за куполами Софийского собора.

Примечания

*Храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы в Козлёнской слободе (ныне на улице Козленской) находится в Вологде. Это одна из старейших святынь города, первые сведения о ней относятся к 1612 году.

*Цитата из песни группы ДДТ «Любовь».

*Соборная горка — возвышенный участок правого берега реки Вологда около Софийского собора. Излюбленное место для прогулок вологжан.

*Автор стихотворения — поэт Игорь Лазунин (Санкт-Петербург).

• ЧЕТЫРЕ ВСТРЕЧИ С ОТЦОМ

Несколько раз в своей жизни я теряла и находила отца.

В его поисках есть нечто библейское, потому что отцовская любовь, безграничная, нелогичная, прощающая заранее все и сразу — это проекция на земле той небесной любви, которая

дается нам не по праву и не по заслугам, а просто так. Некая вселенская тайна скрыта в ней подобно тому, как скрыты в нашей крови генетические коды наших предков и потомков.

В первый раз я потеряла отца в поезде из Вологды в Москву. Я тогда училась в начальной школе. На летних каникулах мы с папой отправились в столицу, чтобы навестить моего старшего брата, служившего тогда во внутренних войсках. Его часть располагалась в Сходне. Это был закат Советского Союза, и брат вошел в число последних солдат великой империи. Вместе с тем летом, маршируя и митингуя, уходила целая эпоха, и, наверное, потому каждый день тогда казался равным году.

Помню переполненный плацкартный вагон, страшную духоту и жару, помню – липкое, как теплая паутина, постельное белье, тесный кокон верхней боковой полки, простынь не то, как детская пеленка, не то, как саван мертвеца, а я смотрю вниз – на нижнюю полку, там должен был спать папа, но его там нет. Паника охватывает меня: почему отец бросил меня одну? Я соскакиваю сверху, бегу по вагону и кричу: «Папа! Папа! Где мой отец?»

Пассажиры один за другим просыпаются от моего крика, собираются вокруг меня, и женщины с суетливой заботой восклицают: «Ребенок потерялся! Кто потерял ребенка?!» Меня спрашивают: «Девочка, как выглядит твой папа?» Я объясняю: «Он здесь самый красивый мужчина! В оранжевой рубашке!» Оказывается, отец вышел покурить в тамбур, там его нашли мужики из купе напротив и насмешливо позвали: «Иди, «самый красивый мужчина». Тебя дочь потеряла».

На обратном пути отец спас меня от толпы. Почему-то (кажется, из-за какой-то крупной аварии) произошла задержка сразу нескольких рейсов, и в Вологду тоже. Мы долго куковали на Ярославском вокзале. Я исползала его вдоль и поперек, истратила всю отцовскую мелочь на лимонное мороженное и «Фанту» из автоматов с газировкой. Я уже представляла, как вернусь домой, и буду хвастать деревенским ребятишкам, какие невиданные заморские лакомства и напитки удалось мне попробовать в Москве. Тогда в нашем сельмаге о «Фанте» и не слышали, да и за мороженым надо было ехать в город.

И вот с очередным лимонным эскимо, которого мне уже и не хотелось, я сидела у ног отца на большой сумке, как вдруг объявили посадку на несколько рейсов сразу. Маленькие ручейки из людей начали стекаться из разных уголков вокзала, образуя мощное цунами. Это произошло молниеносно – давка возникла в считанные секунды. Крики, стоны боли – я помню их до сих пор. Отец схватил меня за шкурку и запихнул в узкий промежуток между автоматом с газировкой и какой-то колонной, а сам встал напротив живым щитом. Его давили, ему наступали на ноги, его били в бока, потом он весь был покрыт синяками, но папа не отодвинулся ни на сантиметр, защищая меня. Уже когда я стала взрослой, я пыталась найти упоминания в Интернете или в советских СМИ об этом инциденте с давкой на Ярославском вокзале, но найти так и не смогла. Тем не менее, что было, то было.

Второй раз я потеряла отца, учась в третьем классе. Папа попал в больницу с очень серьезным заболеванием. Он с детства жаловался на странные боли под ложечкой и в спине. Жаловался врачам в Барнаульском детдоме, где жил один год. Туда вынужденно отдала его бабушка. После смерти деда она одна с четырьмя детьми возвращалась с Дальнего Востока, где они какое-то время жили. У молодой вдовы не хватило ни денег, ни сил, чтобы вывезти через весь Союз к себе на родину, в Краснодарский край, сразу всех четверых.

«Почему у меня иногда так сильно болит под ложечкой?» – спрашивал отец в юности у медицинской комиссии при поступлении в военно-морское училище им. Фрунзе в Питере. Медики не знали почему. Папа имел второй «взрослый» разряд по боксу, был инструктором по стрельбе, и никаких отклонений в его крепком здоровье тогда тоже так и не нашли.

К слову, училище он не закончил. В дальних плаваниях мой отец изнывал от ревности и тоски по моей матери, на которой женился в восемнадцать лет. Он бросил карьеру подводника, отслужил в армии и стал прекрасно разбирающимся в навигации, неплохо говорящим по-английски дояром в колхозе «Заря». Но и в колхозе

надо проходить медкомиссии каждый год. И каждый год отец спрашивал про боли в желудке, и каждый год ему говорили, что он здоров. А я думаю, что его мучила боль разлуки: с семьей, с возлюбленной, с морем. Такая боль сверлит в нас дыры насквозь, как пулевые раны.

Отцу было сорок лет, когда он попал в больницу с подозрением на заболевание почек. Оказалось – прободная язва. Папа пережил клиническую смерть. Даже когда он лежал в реанимации, куда к пациентам все равно родных не пускают, мама ездила к нему каждый день. Она тогда работала бригадиром животноводческой фермы. Первая смена – с четырех утра до четырех вечера, и вот каждый день после работы мама топала пять километров до остановки автобуса, ловила какую-нибудь попутку и ехала в Вологду в областную больницу на Пошехонском шоссе. Когда папу перевели в обычную палату, несколько раз мама брала меня с собой. В школе одна девочка, аккуратная красивая девочка, как-то сказала мне: «Зря ты к нему ездишь, и зря твоя мать так мучается, твой отец все равно умрет. Меньше пить надо было».

Мой отец, действительно, какое-то время пил, как и многие деревенские мужики. Я мало помню ему пьяным, потому что была слишком мала, но такой факт числится в его богатой биографии. Теперь я понимаю, что та девочка, назовем ее Катей, всего лишь повторила разговоры взрослых, которые, видимо, велись в ее семье. Сейчас Катя стала взрослой женщиной, матерью двоих детей. Но когда я встречаю ее, то все равно вижу не даму средних лет, а ту школьницу: не по-детски серьезное личико, светло-русые косы, уложенные полукругом, опрятную советскую форму примерной отличницы. Для меня Катя никогда не повзрослеет. Она фантом из прошлого, вестница смерти, а в настоящем – невидимка, оптическая иллюзия. Для меня ее не существует, и у нее нет ни малейшего шанса исправить что-либо даже спустя годы, ибо даже боги не могут сделать бывшее не бывшим, прозвучавшее – не звучавшим. Когда мне приходится здороваться с ней при встрече, я чувствую себя неловко, словно здороваюсь с галлюцинацией.

Папа выздоровел, но уже не стал прежним, хотя впереди у нас было еще много-много счастливых лет: рыбалок, охот, сенокосов, чтения книг, путешествий, разговоров, песен, прогулок... Я часто приставала к отцу с вопросом, что он видел во время клинической смерти, и он каждый раз отвечал, что абсолютно ничего не помнит, пока однажды не произошел забавный случай. Как-то вечером в деревне я мыла посуду, а папа грелся на русской печке и развлекал меня чтением вслух анекдотов из газеты. Он прочитал старый анекдот о том, как стоит очередь в рай, а один мужик прибежит, спросит: «Кто последний?», встанет на минуту в очередь и вдруг опять убегает. «Чего он все бегаёт? Очередь только путает» – жалуются недовольные усопшие апостолу Петру. «Не обращайтесь внимания, это из реанимации», – машет рукой апостол.

– Я вспомнил! – вдруг сказал папа. – Ты все спрашивала, что я видел. Там была огромная труба или тоннель. Я лечу по нему с невероятной скоростью, меня с силой тянет вперед к ослепительному свету, это очень приятный полет, я ликую. Я слышу оттуда, из света, голоса. Я почти долетаю. И тут меня кто-то окликнул по имени, и пришлось вернуться. Мне очень не хотелось возвращаться.

В третий раз я потеряла отца накануне своего девятнадцатилетия: 19 июля – мне исполнялось 19. Отметить красоту этих цифр собрались мои многочисленные друзья, которые остались у меня ночевать с 18-го на 19-е. Папа запланировал для меня «деньрожденский» пикник и еще вечером уехал на рыбалку в надежде наловить на реке Комёле окуней на уху. Он хотел вернуться часам к десяти вечера.

В июле в Вологодской области еще стоят белые ночи, но они уже отступают мало-помалу, и хилые сумерки нехотя сгущаются к полуночи. Лежа на полу, где все мы, парни и девчонки, спали вповалку на одеялах, разостланных сплошным ковром, я вслушивалась в шум ветвей за окном, я ждала знакомого звука – должен был зареветь мотор мотоцикла, на котором отец ездил на рыбалку. Но время тянулось, а звуки за окном не менялись. Я не могла уснуть. Меня мучили навязчивые страхи, которые

преследовали буднично каждого из нас с тех самых пор, как папа оказался в больнице на Пошехонке. Как злое июльское комарьё, клубился в голове рой мыслей: «У него язва. Вдруг ему стало плохо? Вдруг во время приступа он упал в воду? Вдруг сломался мотоцикл?» Стараясь не разбудить друзей, я вышла на кухню, где в таком же нервном ожидании маялся мой старший брат Сашка. Сидя друг напротив друга за столом, который смастерил мой отец, в доме, который построил мой отец, мы, дети своего отца, ждали главу семейства.

– Нам все равно не уснуть, – сделал вывод брат. – Наташка, сейчас садимся в машину, едем на Комёлу. Ты показываешь, где вы с отцом обычно рыбачите. Обходим берег.

Мы уже начали одеваться, когда донесся с улицы заветный мотоциклетный рев. Сияющий, беспечный, счастливый, папа вошел в дом с огромным пакетом рыбы, и, увидев нас неспящими, широко улыбаясь, сообщил:

– Такой клев шикарный! Я бы и не возвращался, но, боюсь, рыба испортится. Сейчас чаю выпью и обратно на Комёлу. Наташ, раз ты все равно не спишь, почисть рыбу сразу, а то до утра испортится.

В четвертый раз я потеряла отца 12 декабря 2014 года. На этот раз по-настоящему. Отныне мне часто снится сон с одним и тем же сюжетом: я ищу папу, но по каким-то причинам не могу с ним связаться. Например, он завел страницу «ВКонтакте» (это вполне в духе моего отца, он любил все новое), но сообщения заблокированы, и я не могу ему написать.

Или в лесу на охоте мы разошлись в разные стороны, и вроде ненадолго я отлучилась, но возвращаясь на то же место, где мы расстались, а вместо деревьев, знакомых мне с детства – пни да коряги, и где мой отец – не знаю.

Или звоню ему на мобильный (его номер, конечно же, до сих пор помню наизусть) за две копейки из телефонной будки на Ярославском вокзале. Он берет трубку, но связь плохая, на линии что-то щелкает, трещит, шумит, как лес на ветру.

– Где ты сейчас, папа? – спрашиваю я.

– В санатории, – отвечает он.

– В каком?

Ответ папы неразборчив. Вроде бы произнес какое-то название, а какое? Не расслышишь.

– Как ты там?

– Очень хорошо, – отвечает отец. – Хожу на рыбалку. Шикарный клёв. Тут кругом сосны.

– Я хочу тебя навестить.

– Тебе нельзя.

– Но где ты?

Щелканье. Треск. Вместо гудков – скрип сосен на ветру, шум волн...

Об авторе: НАТАЛЬЯ МЕЛЕХИНА

Прозаик, критик. Закончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства ВГПУ. Публиковалась в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Север» и другие. Дважды лауреат Международного Волошинского конкурса 2013 и 2014 года, лауреат Балашовской премии. Автор семи книг прозы. Живёт в Вологде. Neкаýalar